

ЦЕЙХГАУЗ

УНИФОРМА • НАГРАДЫ • ОРУЖИЕ • ЗНАМЕНА • ГЕРАЛЬДИКА

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ВОИНЫ ИЗ
«ЧЕРНОЙ МОГИЛЫ»

АРМИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ДРАБАНТЫ
«ПОТЕШНАЯ ПЕХОТА»

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ

РУССКИЕ КИРАСЫ
1812 г.

РУССКИЕ В ИНОСТРАННЫХ АРМИЯХ

ДЕЗЕРТИРЫ
НА СЛУЖБЕ
ПЕРСИДСКОГО ШАХА

I МИРОВАЯ ВОЙНА

АВИАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ
АРМИИ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

КОНВОЙ АДМИРАЛА
КОЛЧАКА

ФАЛЕРИСТИКА

ISSN 0868-801 X

ZEUGHAUS MAGAZINE • RUSSIAN AND SOVIET MILITARIA • MOSCOW 1996

5

КИРАСЫ 1812 ГОДА

Александр
ВАЛЬКОВИЧ

Известно, что в 1812 г., незадолго до Отечественной войны, в военном ведомстве России сочли целесообразным вернуть кирасирам их прежде отмененные традиционные досы. Но ни одно из специальных изданий, не исключая и классическое «Историческое описание одежд и вооружения российских войск», не содержит конкретной даты этого нововведения. Неизвестно также, все ли полки были снабжены кирасами ко времени открытия военных действий. Крупнейший знаток русской армии той поры Г.С.Габаев писал, например, что «некоторые полки получили кирасы в течение самой кампании и даже по окончании ее», не уточнив, впрочем, названий этих полков и не указывая на источник, позволивший ему сделать подобный вывод. Иногда утверждают, что большая часть наших кирасир при Бородине сражалась без кирас. Так ли это было, и когда же в действительности кирасирские полки вновь обрели свое собственное и завершенное вооружение? На эти вопросы отвечает наша статья, основанная на документальных материалах.

Изображение кирасы образца 1812 г. в XI томе «Исторического описания...». (РГВИА)

В начале 1812 г., после испытаний, проведенных на Сестрорецком оружейном заводе, его директор подполковник И.П.Лавриш пришел к заключению, что «для достижения кирасам большей твердости и надежнейшего сопротивления против пули, надлежит их делать так, чтобы они имели на поверхности их закал, который они получают при выбивании кирасы и форме и который обыкновенно снимается при сгибании оной поперек, для достижения кирасе лучшей оной, с упругостью однако же ее прочности». Добавим, что кирасы выкраивались из листов мягкого железа, толщиной в 1¹/₂ дюйма (3-3,5 мм). В печи они раскалялись, а затем складывались вручную молотом и чугушной форме-матрице, «сделанной точно по тому оному, какой кираса с наружи имеет должн. Внутренность формы сей должн была совершенно гладкая, дабы на наружи поверхность кирасы из оной получилась также совершенно гладкая, чтобы не нужно было сглаживать ее шилами и можно бы было оставить ей ту закаленную поверхность, которую она получила от прикосновения и раскаленного состояния к холодной оную твердости чугушной формы...».

В отличие от прежней – нагрудной, отмененной в 1801 г., новая кираса была двухсторонней. Согласно приблизительному счету, представленному заводом и Военное министерство, на одну кирасу требовалось: «Листового железа по 8 руб., пуго – 8 руб., Тонкого листового железа для напеченки по 6 руб., 50 коп., пуго – 30 коп., Проволоки – 42 [коп.], Медь * на шарниры и пуговицы по 40 руб., пуго – 25 [коп.], Уголья по 50 коп., четверть – 25 [коп.], За работу железную, за отловку, обделку и пробивание дыр – 4 [руб.], За работу медную и мелочную железную – 50 [коп.], [За] краску и лак – 45 [коп.], Всего 14 [руб.] 67 [коп.». «Дыры», т.е. отверстия пробивались по окружности кирасы для крепления подкладки. Передняя подложка имела посередине выступ (гребень), а на линии груди – две медные пуговицы. На спишной части у плеч крепились два наплечных ремня с железной чешуей и медными наконечниками с петлями (для застегивания на пуговицы). Черный кожаный поясный ремень, прикреплявшийся четырьмя медными заклепками (по две с каждой стороны) к задней части кирасы на высоте талии, стягивал обе ее половины и застегивался на пряжку поверх нагрудной части. Кираса по традиции покрывалась черной масляной краской и лаком, а внутри обкладывалась войлоком, суженным вдвое, и «фланцами подотком» – тонким парусиновым холстом. Подкладка служила не только для удобства ношения лат, но и смягчала удар пули. Одна такая кираса обходилась казне в 22 руб. 36 коп. Офицерские кирасы отличались поделочной чешуей на наплечных ремнях.

В зависимости от размера, общий вес кирасы достигал 7-7,5 кг. При последнем весе она имела высоту 45 см, максимальную ширину – 39 см, шейный вырез – 18 × 18 см, пройму для рук – 21 × 21 см, а окружность груди – 87 см. Офицерская кираса хранилась в Государственном Историческом музее, и

* Здесь и далее имеется в виду желтый медь – и имеется в виду именно обыкновенная латунь – сплав меди и цинка.

И.А.Клейн. Рядовой Новгородского кирасирского полка. 1815 г.
(Оригинал акварели в Stadtgeschichtliche Museen Nürnberg)

высоту достигает 47 см; ширина груди у лоша — 41 см; высота — 40 см.

Император Александр I одобрил образец кирасы, повелел сделать «выкопье... для всех кирасирских полков». В марте 1812 г. военный министр М.Б. Барклай де Толли предписал директору Сестрорецкого завода приготовить 6214 кирас: для штаб- и обер-офицеров — 336; остальные — для нижних чинов. Это число было определено из расчета на 10 кирасирских полков (включая 2 гвардейских — Кавалергардский и л.-гв. Конный), полагая каждый полк в 4 действующих эскадрона (сложные эскадроны, следовательно, оставались без доспехов). Учитывая разницу в штатах, на гвардейский полк приходилось 38 кирас офицерских и 605 для нижних чинов, на армейский, соответственно, — 36 и 581. Следует заметить, что в число нижних чинов были включены и трубачи, но впоследствии кирасы у них отменяли. «На осей пропорции кирасов сук, — писал Ланкри военный министр 8.III, — сам полковник привозивший...: четвертую часть, именно — 89 офицерских и 1136 для рядовых — большей руки, такую же четвертую часть — меньшей руки, достаточные 178 офицерских и 2928 для рядовых — средней руки». 21.III предписано было дополнительно изготовить еще 8 офицерских кирас: по 2 большой и меньшей руки и 4 — средней. В общей сложности Сестрорецкий завод должен был сделать 6222 кирасы. Размер большой руки предназначался для кирасир ростом в 178-180 см; меньшей руки — 169 см, ниже обычно и кирасира не брали. Разумеется, что в гвардию, где служили наиболее рослые и видные люди, выделялась значительная часть кирас большего размера. Наряд на кирасы распределялся так, чтобы по мере их приго-

товления, «не медля малю», отправлять в полки, начиная с Кавалергардского — первого полка 1-й кирасирской дивизии, и далее, в соответствии с дивизионным расписанием.

11.IV.1812 Барклай сообщал главнокомандующему 2-й Западной армии князю П.И. Барклайу: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил состоящим в 4-х действующих эскадронах полков кирасирских генералам, штаб- и обер-офицерам и всем строевым нижним чинам, кроме пехоты, упорядочить в старую кирасы по данному образцу. Объявляя Вашему Смиренному слезе Высочайшее повеление... я имел честь присовокупить, что кирасы в неурочае в кратчайшее время доставлены будут от Комендантского депо артиллерии к полкам той дивизии: Екатеринбургскому, Оренбургскому, Глуховскому, Малороссийскому и Новгородскому. ... И что доставление их производится будет сверху к Екатеринбургскому, а потом и к прочим полкам, одному за другим, а тем порядком, как они назначены».

15.IV первая партия кирас (643 пары), для Кавалергардского полка, была отправлена из Петербурга в Вильну, в главную квартиру 1-й Западной армии. 10.V туда же последовал транспорт с латанью для л.-гв. Конного и л.-кирасирского Его Величества полков, а 18 и 21.V — для л.-кирасирского Его Величества и Астраханского — наследного полка 1-й кирасирской дивизии. В начале июня первые три полка получили кирасы. «2 июня, на разводе, я узнал неприятную новость: нам привезли кирасы, — писал в диспетч конногвардейский вурчум Ф.Я. Миркович. — Они были чрезвычайно неудобны, особенно по росту. В 12 часов я хотел примерить свои цепи». Конногвардейцы на передатку и пригон-

ку кирас по размеру потратили десять дней. Остальным полкам дивизии кирасы были доставлены в течение последующих дней, незадолго до открытия военных действий.

26.V в главную квартиру главнокомандующего 2-й Западной армии в Лужке были посланы двенадцать подвод с количеством кирас (617) для первого полка 2-й кирасирской дивизии — Екатеринбургского. 3.VI из Петербурга в Пружаны отправлены были латань на Орденовский полк. Подводы с кирасами на эти полки составили один транспорт. В Петербургском комиссариатском депе полагали, что он должен прибыть к армии через двадцать три дня, «если не последует другая повода или какия обстоятельности». 11.VI Ланкри доносил Комендантскому департаменту, что «везением при Сестрорецком заводе 6222 пары кирас кончена и к отправленным на 9 полков 3605 парам ныне доставлены ... 617 пар отсутствующих и сего числа отправлены». Из Петербурга эта последняя партия для Новгородского полка была направлена 13.VI.

Закономерен вопрос: все ли изготовленные кирасы для 2-й дивизии поступили в полки, не были ли они захвачены неприятелем? 18.VII генерал-адъютант барон Ф.Ф. Вишняков-Радонский из Смоленска князю Барклайу, что он, в ожидании предписания, оставался в этом городе проезжающий транспорт с кирасами для трех кирасирских полков 2-й армии. Спустя несколько дней войска Барклайу прибыли к Смоленску, и тогда, наконец, кирасы были распределены по полкам. Очевидно, что за это время число подвод с латанью увеличилось, поскольку 23.VII генерал-майор И.М. Дука доносил командирю 8-го корпуса генерал-лейтенанту М.М. Борхсдину: «На четверте полка командиром лично 2-й кирасир-

Солдатская кираса (поясной ремешок и подлинный красный шнур утрачены). (Музей-панорама «Бородинская битва»).

ской дивизии Екатеринославской, Ордынской, Глуховской и Миллеровской кирасы включены, в каждой по 617 шт...»^{*}

Таким образом, шпона введенные кирасы поступили в большинство полков в июне-июле. Фактически, только 5 полков совершили поход до Смоленска без лат, что вряд ли оторчило кавалеристов, ибо кирасы означали не только защиту, но и дополнительную тяжесть. Зато в бою они вполне оправдывали свое назначение. Конечно, выстрел в упор,

* Следует отметить, что указание А.И. Григорьева, сводящее к себе «Историю 17-го егерского полка Императорского Ордена Александра Великого» (СПб., 1912, т. 2, с. 11), в том, что кирасы были оставлены кирасе в конце войны, документально обосновано и corroborated соответствующим рапортом генерал-майора Дука.

картечь и ядра пробивали латы, но они были неуязвимы для гибельных ударов штыком, саблей или пикой, не раз свисали и от ружейных пуль, вынужденных выдвинуться. В этом убеждает, например, характер ранений, полученных кирасирскими офицерами при Бородине. Большинство ран приходилось на те части тела, которые не были закрыты кирасами, Кетани, и на Севастской площади 14.XII. 1825 латы и очередной раз содействовали доброй службе Конной гвардии, защитив ее от выстрелов миткального жара.

Не менее важна судьба облоз с кирасами для последнего полка 2-й дивизии — Новгородского. Перенесла 8-го корпуса, в состав которого она входила, обрывается 13.VIII. Остается предположить, что этот транспорт, отправленный из Петербурга по воде, испытал в пути все прелести военного времени, прибыл к армии в середине или второй половине августа. Во всяком случае, к Бородину новгородские кирасы уже имели.

Осенью 1812 г. решили обеспечить кирасами и запасные эскадроны, но только принадлежащие 1-й кирасирской дивизии. Подобное предпочтение объяснялось тем, что из этих эскадронов составили Сводный кирасирский полк, действовавший в составе Отдельного корпуса графа П.Х. Витгенштейна. 18.IX инспектор всей кавалерии генерал-лейтенант Пашкович уведомил уполномоченного Военным министерством князя А.И. Горчакова, что высочайше повелено «отправить в запасные эскадроны полков Кавалергардского, лейб-гвардии Конного и лейб-кирасирских Его и Ея Императорского Величества, находящиеся в 1-м корпусе войск... генерал-лейтенант графа Витгенштейна, кирасы по числу лошадей, равномерно и в запасной эскадрон Астраханского... полка».^{**} 23.XI директор Сестровецкого завода отреагировал о готовности заказанных 633 пар кирас, а через месяц их отправили в деурство Главноу армии в Вильну. Здесь уместно отметить, что далеко от исторической правды известные многим картина Ф.А. Чирка и акварель В.Тюма, представляющие в кирасах конногвардейцев и кавалергардов, сражающихся 6.VIII. 1812 под Полоцком.

В декабре 1812 г. кирасирский корпус пополнился двумя полками: Псковских и Стародубовских драгун перевели в кирасиры. Из них первым по ходатайству их шефа, генерал-адъютанта барона Ф.К. Корфа, оставили трофейные французские кирасы, которые они получили еще осенью 1812 г. В Стародубовский же полк уставные кирасы были отправлены лишь в августе 1813 г.

Согласно докладу генерал-фельдцейхмейстера вел. кн. Михаила Павловича начальнику Главного штаба Е.И.В. князю П.М. Волконскому от 21.I.1820, кирас обрала 1812 г. было изготовлено 24 000 пар. Претерпев незначительные изменения в 1818 г., эти кирасы сохранились на вооружении довольно долго. В 1828 г. их заменили в гвардии на медные, а в армейских полках они оставались до конца 1840-х гг. В заключение скажем, что такие латы были и употреблены не только в русской кавалерии. В 1814 г. царь подарил прусским Телохранителям (Gardes du Corps) 460 пар кирас, также изготовленных на Сестровецком заводе.

** Следовало изготовить 75 офицерских кирас и 590 пар нижнему чину; из них в кирасирские эскадроны артиллерии всего 7 офицерских и 121 пар нижнему чину, а на армейские, при отпуске в количестве офицерских, — 116. Затем добавили еще 4 офицерские и 21 солдатские кирасы.

Источники и литература:

- РГВИА, ф. 1, он. 1, т. 46, д. 1128; ф. 25, он. 1/160, д. 3199; ф. 29, он. 1/153г, св. 10, дд. 6-12; ф. 35, он. 4, св. 193, д. 198; ф. 103, он. 3, дд. 321, 934; он. 209, св. 34, д. 105; ф. 396, он. 4, д. 238; ф. 3543, он. 1, д. 4608 (Л.В. Митрохин. Мои воспоминания).
1. Губаев Г.С. Ручьсь русским полком 1812 года. Киев, 1912.
 2. Говель И.Г. Подробное описание о изготовлении, употреблении и сборке артиллерийского и белого солдатского оружия. СПб., 1825.
 3. Давыдов М.М. и др. Русское оружие. Краткий определитель русского военного оружия XI-XIX веков. М., 1933.
 4. 1812-й год. Из дневника конногвардейского офицера Ф.И. Миропонца. // Русский архив. 1888. Кн. 1.
 5. «Zeitschrift für Heereskunde». 1958. №161.

Автор выражает признательность гг. В.Королеву и А.Кубовскому за ценные сведения, использованные в этой статье.

КИРАСА 1812 Г. НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ

Сост. А.Кировский

Исследование нескольких подлинных кирас обр. 1812 г. показало, что, имея общую конструкцию и внешний вид, все они различаются в точных параметрах. Также несомненное во многом объясняется характером производства, когда металлические заготовки кирас дорабатывались разными мастерами. Причем под каждой кирасой, судя по клеймам, работало несколько человек: один делал шпирри, другой – накладку и т.д. Крупные партии кирас обрабатывало сразу несколько таких «комбинатов». Но в целом мастера придерживались некоего единого шаблона.

По всему периметру кираса, на расстоянии около 1 см от края, пробивались круглые отверстия $\varnothing 4-5$ мм с равным интервалом в 30-45 мм. На одной из кирас, видимо офицерской, отверстия пробиты с интервалом 12 мм.

Мы отметили два способа крепления подкладки. Первый, более сложный, возможно применялся на офицерских кирасах. Стежка из толстой (0,5 мм) нейлоновой нитки край кирасы обшивалась через отверстия полосой коричневой кожи, оставши широкой наружный край. Затем этот свободный край подворачивался внутрь, проделывался и также фиксировался через отверстия ниткой, прихватывавшей снаружи красный крученый шнур $\varnothing 2-3$ мм. Кожаная оторочка красилась вместе с металлом черной краской. Далее, к кожаной обшивке частыми стежками прививались подвернутые края подкладки, а поверху промазывалась клеєм. Для фиксации войлока под войлоком вся подкладка простегивалась параллельными вертикальными швами (средняя длина стежка 12,5 мм) на расстоянии 2,5-3,5 см друг от друга и точечными швами наружу. К подкладке передней половины иногда (?) пришивался подложный карман (в нашем случае – см. фото – 15,5×19,5 см; край кармана пришиты с подворотом, а свободный край подшит и проклеен). Другой же способ являлся более простым и, видимо,

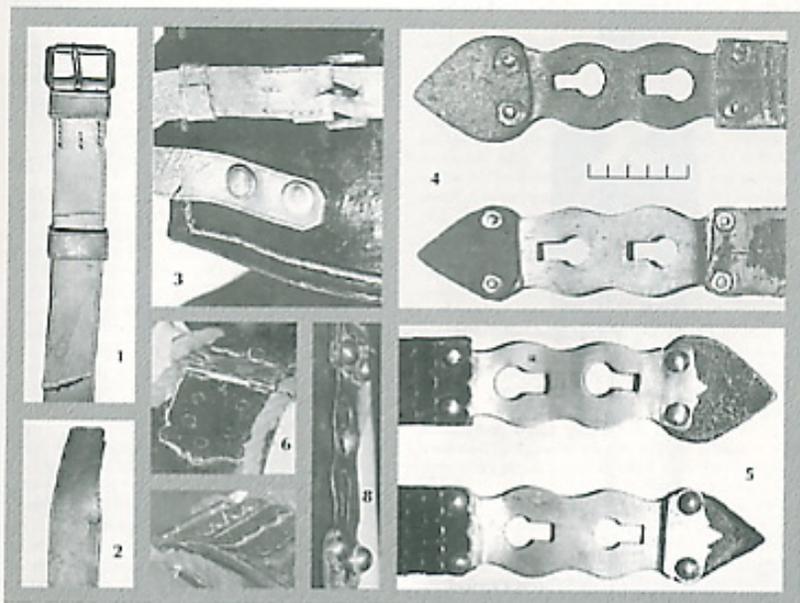
массовым. Край кирасы, кроме плечевых стыков, загибался внутрь, образуя круглый в сечении валик. Далее, стежками нитки через отверстия, с внутренней стороны прихватывались подвернутые края подкладки, а с внешней – красный шнур. Как и в первом случае, вся подкладка простегивалась.

В фондах московских музеев удалось отыскать только одну кирасу с сохранившейся железной чешуей на плечевых ремнях (см. фото) – на более поздних модифицированных чешуйки делались латуниными. На данных ремнях 4-х и 5-тылубочные чешуйки почти одинакового размера: высотой по полукруглым губкам 26 мм, шириной 42,5 мм. В верхней части каждой чешуйки пробиты 4 дырочки, через которые они пришиты к черному кожаному ремню (толщина 7 мм, ширина 46 мм) тремя сквозными стежками нейлоновой нитки. На каждом ремне 12 чешуек, причем 4-х и 5-тылубочные пластины чередуются, начиная с верхней 4-хтылубочной. Эта чешуйка и конец ремня вложены между плоских губок (ширина 46 мм) двухметровой латуниной накладки, являющейся подложкой частью шпирриного крепления. Верхняя губка, железная чешуйка, кожаная основа и шпирриная губка пробиты восьмью четырьмя медными гвоздиками, фиксирующими плечевой ремень и шпирри (см. фото). Далее, две упомянутые петли совмещены с центральной петлей фигурной латуниной накладкой, укрепленной 5-ю круглыми плоскими клепками на плечевых стыках задней половины кирасы. Между петлями оставлен соединительный металлический стержень (см. фото).

Несколько сохранившихся фрагментарных образцов позволяют более подробно исследовать обработку нижнего конца плечевого ремня (см. фото). Последняя, 5-тылубочная чешуйка вместе с кожаной основой пробивалась двумя клепками с полукруглыми головками (\varnothing клепки – 1-1,5 см). Клепки забивались изнутри на 8-миллиметровые, реже круглые шайбы, и крепили к ремню латуниную накладку с отверстиями. Таким же образом к нижнему краю накладки приделывался кожаный язычок. В нижней части задней кирасы полу-

круглыми или плоскими клепками на уровне половины крепились коричневые кожаные ремни (см. фото). Длина ремней около 30 см. В левый ремень шивалась одношовная прямоугольная прижка (см. фото – в данном случае железная, 3,4×2 см, треугольная в сечении, с наружной гранью и валком) и один трипчик, шириной 12 мм. Еще один трипчик оставался свободным. На правом ремне при подворотке кирасы прокалывались отверстия, с его концом вырезался в виде конуса (см. фото). Ремни подлагалось красить в черный цвет, но на одной из сохранившихся кирас ремень натурального коричневого цвета. При одевании кирасы накладки плечевых ремней застегивались на латуниные пуговицы передней половины (см. фото). Эти пуговицы представляли собой клепку с полукруглой шляпкой ($\varnothing 14,3-15,6$ мм) и фигурной ножкой, забивавшейся изнутри на шайбу. Но иногда делалось еще проще. На ножку простой клепки одевалась латуниная муфта, создававшая таким образом шпирриное утолщение.

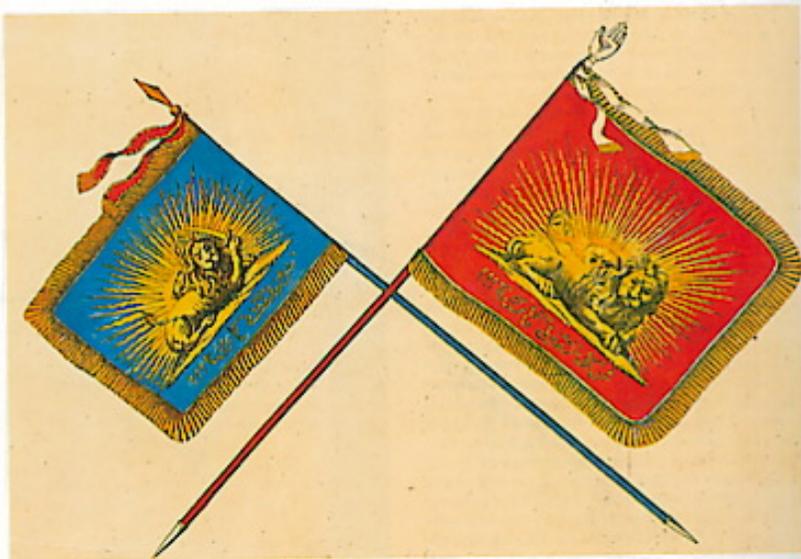

Персидская регулярная армия 1-й пол. XIX в.

Если униформа наших европейских противников неплохо изучена, то их восточным конкурентам историки уделяли куда меньше внимания. Воспоминания этот пробел, мы расскажем о регулярной персидской армии, дважды сталкивавшейся с Россией на полях войны (1804-1813, 1826-1828 гг.). Собранные редкие архивные и немногие опубликованные материалы позволяют достаточно полно представить внешний вид этого «экзотического» войска.

В мае 1807 г. Франция и Персия заключили Финкенштейнский договор, по условиям которого Наполеон обещал снабдить персидского правителя Фатх-Али-шаха ружьями, полевой артиллерией и офицерами для организации регулярной армии. Планировалось послать в Персию французский контингент из 4.000 пехотинцев, а также 10.000 ружей и 50 пушек. Предварительно к шаху отправилась миссия генерала Клода-Матье Гардана с верными 15 офицерами-специалистами. Инструкция Наполеона (10.V. 1807) предписывала Гардану поддерживать антианглийские и антирусские настроения, добиться дилерсии в Грузии и организовать регулярные персидское войско. 24.XII миссия прибыла в Тегеран и тут же приступила к работе. Формирование пехотных и артиллерийских частей происходило на территории персидского Азербайджана — южные наследника престола Аббас-мирзы. Юный принц, и противоположность шаху, отличался воинственностью и, несмотря на поражения от русских войск, след у верхов талантливым полководцем. Он оценил выгоды регулярной армии и всерьез приступил к ее устройству. Регулярных персидских солдат называли «сарбазы» (сходство, «играющие головой [скаки]» — т.е. «играющие»). Гаспар Друвиль в своем «Путешествии в Персию в 1812 и 1813 годах» пишет, что так как у Аббас-мирзы «не было средства дать им униформу, то он приказал для них шить платье одинакового цвета с пуговицами на груди, дабы придать им более воинственный вид», затем «вместо шитья шили на все ружья, на которые было можно» и, наконец, «вместо сумки каждому салтану или патроню даю по кожаному мешку, привязываемому спереди к поясу, что было столько опасно, сколько и неудобно».

Между тем, усиливши английских дипломатов, престиж Франции после Тильзитского мира стал падать. Наполеон в Тильзите ни словом не обозначил о персидских интересах, тогда как англичане обещали шаху пушки, ружья и 10 миллионов фунтов стерлингов «аспирированной суммы». В итоге, 16.XII. 1809 Гардан и его французды покинули Тегеран. Их тут же заменили британцы, присутствовавшие офицеры войск Ост-Индской компании. Через Индию они завезли добротное английское сукно, множество других вещей и продолжали обуздование «персиян».

Кавалерийский штандарт и пехотное знамя регулярных войск. 1810-е гг. (из книги Г.Друвиля).

Кавалерийский штандарт и пехотное знамя регулярных войск. 1810-е гг. (из книги Г.Друвиля).

Сарбазская пехота была самым многочисленным родом регулярных войск Аббас-мирзы. В тактическом отношении она делилась на «фронтжи» (полки или батальоны — здесь нет единства в определениях), часть из которых размещалась в Тавризе — столице персидского Азербайджана, а другие считались провинциальными. В мирное время рядовой сарбаз полтора находился в отпуске для занятия домашними делами; остальные 6 месяцев — проходил обучение и полку под руководством английских инструкторов. Новые войска Аббас-мирзы так понравился Фатх-Али-шаху, что после 1813 г. он и у себя завел корпус регулярных пехотинцев и назвал их «джамбазы» (сходство, «играющие душой») — они, зирочет, были намного хуже солдат принца, т.к. обучали их не британские офицеры, а выборные из самих сарбазов. Наконец, еще одной категорией регулярной пехоты стали несколько сарбазских фудайей, которые шах повелел сформировать девяти своим сыновьям — правителям областей. Дети оказались несклонны к европейским обычаям, поэтому их войско уже едва походило на регулярных солдат.

Обмундирование пехоты в первые годы британского владыка осталось прежним, заведенным еще французами, которые успели так и на свой лад «персонифицировать» сарбазов. Об этом свидетельствуют наиболее раннее описание и рисунки, которые приводит Дру-

виль (1812-1813 гг.): «Униформа состоит из мундире зеленого сукна, с красными воротниками и обшлагами, желтыми пропашками, широкими из белого бумажного платочка вышитыми, и сапогах. Зимом кроме своего вышиты каждому человеку род хорошего платка, из весьма толстой шерстяной материи, у которого сверху бывает шерсть ошметки, положена на кольцо (Грузины и черкесы называют его буркой, а сами персы — спандис — Аит). Все кожаный стират (спандис — Аит) белый; и большая часть ружей Английская».

Прежде чем продолжить рассказ об иностранных в униформе, отметим то, что практически не менялось на протяжении полувек. Ведь главным новшеством для сарбазов был, собственно, мундир (куртка); все же остальное очень напоминало национальную персидскую одежду или попросту таковой являлось. Во-первых, это головной убор — так называемая шапка Каджарской династии, которую из уважения к шаху носила вся Персия, и от которой регулярные войска ни за что не пожелали отказываться, несмотря на все уговоры французов и англичан. Шапка эта, в виде усеченного конуса высотой около 30 см, делалась из шкуры черного ягнуса или барана, с маленьким суконным дождем. Для шестельства верх шапки спереди немного прищипывался.

Черный каракуль каджарских шапок гармонировал с персидскими «персиян». Мужчины в Персии традиционно носили бороды. Вероятно для того, чтобы резко изменить облик регулярных войск, английские матор

Генри Линдсей настоял на бритье бород, что и непонималось подавляющим большинством сарбазов. Право носить бороду имели только офицеры и джамабазы. В остальном у регулярных солдат сохранилась национальная прическа, а именно: пагодообразная голова с тубом-хохолком на макушке и большие долоны-«долоны» на висках сверху и сзади ушей (следует обычно, их сбрасывали по достижении 45-летнего возраста). Волосы, брови и даже ресницы красились хной не реже одного раза в неделю.

Форменные «пашиланы» сарбазов были не что иное, как просторные шаровары, поперек сзади «отир ожама», длиною до пят, с подкладкой. Их надевали над рубаху и зашивали спереди шелковым шнурком. Сама рубаха — «шаритен», длиною почти до колен, была без воротника, с разрезом на левой стороне груди. Рубахи шили из шелковой материи разных цветов, с обшивкой из разноцветного же шелкового шнура. Поверх сорочки и шаровар через круглый год носили темный, простейший хлопчатобумажный «ордаву» — нечто вроде камзола, который застегивали спереди, а длиною также доходил до колен. В холода верхнюю одежду дополнял махляв подкафта на овечьем подбоя, с короткими, но до локтей рукавами — его даже не застегивали, а просто вертятили кушаком. Кушаки были шерстяные, из хлопчатой материи или шелковые камширекие, смотря по достатку; за них зашивались кипакалы, причем солдаты и простонародье отдавали предпочтение простым «грузинским» (т.е. кавказским — джм.) кипакалам, нередко с богатой отделкой.

Состав эти восточные одежды со своим односторонним мундиром, сарбазы закрывали в шаровары сверху рубаху, затем архадук и на ушах с тубом передвигали ноги. Иные носили рубаху наизусть, и она свисала из-под куртки. Немало хлопот доставляли им сибирейские сапоги и непривычная кожаная обувь.

Твердого регламента и отнюдь не расшитая одежда не получалась, чему виной стали как дефицит сукна, так и нежелание самих персов усложнять себе жизнь. Канитан П.И.Ермолов, изучавший состояние их вооруженной силы, писал в 1817 г.: «Шеломы персидская одежда и суконные куртки, по Баташаново разным цветом (Многие баташановы одежды и красной цвет), воротник и обшлага разного цвета с мундиром, шаровары широкие белой бумагой материи, сапоги на Европийский образец, на ногах обыкновенно персидская барышня шашка... Галстук носят или довети... Векли имеют на руках три суконных шарона желтого цвета, Мубаниры имеют два шарона, и одуваши по одному (речь идет, соответственно, о сержантах, капитанармуках и капралах — джм.). Шинелей и раций шеломы не имеют, а в холодное и дождливое время, сверх мундира, надевают каждый кто что хочет». «Шеломы вооружены английскими ружьями с шашками, ... унтер-офицеры и равные сабель и пистолет не носят. В них баташановы пользуются редким носить кипакалы... Сукна с шарами, на ремне, с лезвием плеча шароно и сверху шнур укрепляется махляв ремнем, который носят кругом шашки, на другом ремне с правой плеча на левой носят шашку или шашка, Персидские башмаки или черной кожи или белая, лоснящие шобаташ».

Сарбаз в первоначальной униформе французского образца. 1810-е гг. (из книги Г.Друиня).

Самая ранняя «униформа» сарбазов. Ок. 1808 г. (из книги Г.Друиня).

«... отличия же все же какое не бывает». Также Ермолов отметил, что покупка сукна по высоким ценам у Ост-Индской компании сделалась для персов «известна», поэтому они заводят собственные суконные фабрики, и оладанни продукции которых войска допашивают английские мундиры.

В дальнейшем ситуация не изменилась. Подполковник Ф.Ф.Бартоломей пишет о виденных им в 1826 г. трех пехотных полках — из всех были белые шаровары, а мундиры у каждого свои: красного, синего и зеленого цвета. Барон Ф.Ф.Корф, секретарь русской миссии в 1834-1835 гг., рисует словесный портрет сарбазы, называет «черную» (барыню) шашку, красный односторонний мундир с широкими полками, сдвинутый «метелковато» и широкие белые шаровары, «собранные отлу и прихрещенные и под шнур резинки башмаков и рюге сапожки» (обуть шнур «претугуринал» — джм.). «Портрет и персидь лежат на кресте на его груди, и большие ружье, мажесью своею кажется шак и ошани его к лемле» — востенливо заключает Корф.

В 1837 г. персидская армия двинулась против Герата. Русский полковник И.Ф.Бларамберг, собиравший статистические сведения о Персии, сообщает об этой экспедиции следующее: «Одежда регулярных персидских войск известна: суконная куртка, белые широкие шаровары из хлопка, застегивающиеся домычки посредством сапога с длинным носком, и шонх, или персидская шашка из барыней шкурки. Сарбазы носят обыкновенно под куртку свои мужские панталы, и праччи полы кафтана и ушмаширные шаровары. Нету ушмаширы шашки мундира; это зависит от возможности достать себе сукна, следовательно полки одежды в различествующие мундиры; только старейшие полки обыкновенно носят красные мундиры. Сукна маленькая и погодно нашей, имеет персидь и персидьется на груди с шароно, с поклами шашка; широким ремне с правого служки носком и удерживает персидь, шонхи они не могли шашкивать. Рация по силе неизвестна в Персии, или по крайней мере не употребляется». Далее Бларамберг пишет, что этот столь необходимый в походе предмет заменил многочисленные ослы, на которых нашивали всю поклажу, так что сами сарбазы шли налегке, с одним сукманом и ружьями на персидях. Ружья были английские, со штаканами «без глек» (т.е., видимо, без крепящего механизма — джм.). Еще в «образеши» Бларамберга упоминаются «шашки», но что это была за одежда, он не уточняет.

Проходили годы... Давно уже не было в живых зачинателя регулярной армии принца Аббас-мирзы (умер в 1833 г.); год спустя скончался Фатх-Али-шах. Престол наследовал его внук Мохаммед, затем пращук — Насер-эд-дин-шах. А мундир сарбазской пехоты оставался почти таким же. Например в 1857 г., в связи с англо-персидским конфликтом (маленькая война за Герат), лондонская «Illustrated Times» опубликовала заметку о персидских войсках, в которой, в частности, говорилось: «Личная партия шашки носят белые панталы, просторные и собранные, красную куртку с шнуром обшлагами и воротником; панталы как куртки провинциальных войск шароварятся и шонхе» и проч.

Англичане, немало сил и средств вложившие на регулярную персидскую армию, поначалу, отвыкались от ней с терпимостью. Но тогдашние потенциальные противники Персии

Сарбаз. Рис. 1827 г. из рукописи И.В.Романова «Краткое описание похода в Персию 1827, 1828». (ОР РГБ).

давали сарбазам весьма неясную характеристику. Штаб-капитан Н.Н.Мурзыев еще в 1817 г. заявил: «Несчастная пехота сия, в которой с почтением говорят в Европе, виду-

маши на такое счастье: потеряв Азиатскую доблесть и храбрость, сарбазы не получили Европейского устройства и суровой школы, грядущие войско, бурно одетые, создавшие на жаркую пашану гренадерам; они не умеют даже действовать Английским ружьями, которые им даны». О печальной судьбе английских ружей в один голос твердят все очевидцы: «их держали в большой неистовности», «не в большой чистоте», «большая часть испорчена» и т.д. Даже к 1840-м гг. верста так и не научились отделять кремни и получали их из Англии в России. Художник и путешественник П.Ф.Масальский летом 1839 г. наблюдал такую сцену в лагере: «Созданы в разрозненных, шибирных куртках и широких шальварях, почилились перед шалаками... На ружьях писано было, на помеху жарился пашалык». Осенью того же года он «был свидетелем затаптываемого парада, который Шах велел своей гвардии»: на людях «аммуниция, и.е. крытые лезвием куртки, и белые шальвары были совершенно чисты, все остальное старо и грязно! — Всего же замечательно, что только у передней шеренги были еще пороховые ружья, — у задней же, у целой пехоты, не было ни одного хорошего! То видный признак сошнутаго безстычка, но признак со шалаком, но без пашалыка, и без замка, но просто обвисшего шалаком... словом безотрадного семейства разноразличий!» По предварительным расчетам, на каждого рядового во время войны полагалось 100 боевых патронов; в действительности, хороню если было 30...

Столь же единодушно авторами порицаний оценивались персидские солдаты. Ермолов в 1817 г. писал: «Всякий год видится шибирным чинам по одному полному мундиру; со всем тем, нет войск на свете, которые неоправданно и не домыслили в одежде, люди бы сравниться с Персидскими... О мундирах смело можно сказать, что срок оных ближе года. Избыток оных войск, что мы здесь видели,

не было ни на одном батальоне хороших мундиров, и примечено, что сему весьма столько же причиною, как и неоправданность Персидских». Даже у гвардейцев Аббас-мирзы «в одежде, которая поодольно хороша (в особенности шапки) было заметно небрежение» (Бартоломей, 1826 г.). В 1830-е гг., по свидетельству Бларамберга, интендантские сроки несколько изменились: «Обновка мундиров производится каждые два года, а новые шапки выдаются каждые три года унтер-офицерам, бароубашакам и солдатам; они же получают ежегодно по две пары сапогов, или вместо них, 2 % сабократа» (в персидские и русские деньги — 3 рубля ассигнациями — прим.). Условно сравните, лишь благоприятные и сходные с порядком военного довольствия европейских армий. Тем не менее, как пишет тот же Бларамберг, в 1837 г. под Гератом лишь несколько пехотных батальонов выглядели прилично, «оставшие сарбазы носили испорченные мундиры или мужское платье в доломангах».

Подобные противоречивые критерии можно продолжать, но, вероятно, читатель и так уже составил мнение о персидском регулярном войске.

تربان

«Персидские офицеры — лица весьма забавные» — провозгласил современник. Их мундир столь же мало отличался от солдатского, сколь мало значил для них сан. «Офицеры, — писал Ермолов в 1817 г., — имеют погоня на плечах, обшитыя серебряною или золотом бахромой (видимо, речь идет об экипировке британского образца — прим.). Кроме френча они мундиры не надевают, и носят всегда обыкновенные персидские платья». Все их вооружение составляли сабли, преимущественно персидские, с крышми клинками. Бартоломей, смотревший и на

Бароубашка, солдат, офицер и знамя сарбазской пехоты.

Рис. из рукописи П.Н.Ермолова в альбоме «Собрание заметок о Персии в 1817 году». (ОР РГБ).

Солдаты пехоты последнего принца Аббас-мирзы в Тавризе. 1810-е гг. (РГВИА).

Сарбальский офицер и нерегулярный всадник. 1810-е гг. (РГВИА).

1826 г. учение гвардейского батальона Касумханка, также отметил, что «офицеры им отличались от солдат только красными кружками и бородами», и даже сыновья и племянники Аббас-мирзы, служившие в этом батальоне, носят солдатские мундиры на толстого сукна, а шве службы — обыкновенное свое платье. Желая сделать подарок принцам, глава российского посольства князь А.С.Меншиков 15.VI.1826 поручил подполковнику Бартоломею купить для них в Тифлисе золотые штаб-офицерские знамена. Поручение было исполнено, и с тех пор русские знамена стали быстро распространяться среди персидского офицерства. Лу британцев они похвально оценили сортуку-шилам, который и принадлежал украшать сообразно своим вкусам. «Одежда их состояла из сортуки, доходившего до колен, с широким воротником и с густыми золотыми заплатами; из шапачи, застегнутой по сагову, и из той же барачной шапки — писал о персидских офицерах Корф (1834-1835 гг.).

Следующее свидетельство — Бларамберга, относящее ко временам воеводы Герата в 1837 г.: «У офицеров не отличался мундир определенной формы. Штаб-офицеры обыкновенно носили красные кафтаны, в роде сортуки (шилам), дома мундир их волека оружейного цвета; воротник и обшлага на рукавах обшиты золотом; шапки это привозили из Грузии, равно и эполеты, впрочем, штаб-офицеры носили чаще мундир, когда они в службе при своих полках. Обер-офицеры отличались от солдат тонким шелковым поясом пурпурного цвета, или полкой шел, что они без ружья; однако и последнее время большая

часть их также носил знамена рыжого рода, вышитые из России». Все это мундир, естественно, никак не регламентировалось. К.К.Бюде, первый секретарь русского посольства, в 1830-е гг. видел одного персидского сержанта (подполковник), который «кра сошелся... в сортуке и в обшлагах, перилх бархатных с густым серебряным шитьем, стаясь догадо бить с мундира Грибоедова», убитого в 1829 г. в Тегеране.

Словом, в понятие мундира персидские офицеры не вкладывали особого смысла и рассматривали его лишь как равнозначность парадной одежде. При этом отношении одинаково по-гузенному поступали английская инструктор кантон Гарви и Его Величество Мухаммед-шах (сын покойного Аббас-мирзы). Первый рассказывал с тростью, «в красном его изображении сортуке (он назвал его uniforme de fantaisie) и русском, купленном в Тифлисе, шапке, украшенной бледной с Андреевской звездой и надписью «За веру и верность» (Бартоломеи, 1826 г.). Парадный мундир другого представлял из себя шиком «в роде казанского по тулупчатой, синий, с воротником и обшлагами, вышитыми бриллиантами, с изуродованной пуговицей и эполетами, в роде генеральских, также из перилх изуродован с привешенными к ним шиками крупного жемчуга» (А.Д.Салтыков, 1838 г.).

О легкомысленном отношении персов к мундиру свидетельствует еще один эпизод. В 1829 г., в Москве, принц Хадрев-мирза, глава персидского посольства, будучи восхищен русской военной формой, «каким-то образом

добыл российский мундир, и в один вечер оделся им, и шел хотел ехать; но сочувствующий ему генерал-майор Реншикайф, советами своими остановил его намерение; ошло же почва он успел в этом же мундире выехать и был на Колизее в публичном доме (из любопытства) и т.д.*

В заключение добавим, что принцам, как бы они не куражились, всегда оказывали должное почтение, тогда как обыкновенный сарбальский офицер вне строя терять всякую власть над солдатами, которые и знать его не желали. Знаменитые и жалованье — вот и все, чем он от них отличался.**

знамена

В 1813 г. Фатх-Али-шах, посетив Азербайджан, лично вручил первые знамена регулярной пехоте. Но свидетельству Друшица, эти знамена были красные, украшенные белыми тафтинными каймами с золотой бахромой, и извершинами в виде серебряной руки. Подлинница «имела герб своей страны: по

* Ряд оценок в отношении пребывания Хадрев-мирзы в России авторам любезно предоставил с.к.к. М.В.Сидоров, зам. секретаря музея ГАРФ.

** Таким образом, именовались тавернами знаменитые собственные ордена, что европейские ордена и отличительными регулярной персидской пехоты — золотая мушкетера, куртки с тафтинными каймами и разноцветной пестроты, унтер-офицерские шапки, офицерские мундирные шорты с кивками и лусарские сапожки — были всего образцы британской легкой пехоты.

Солдаты персидской регулярной пехоты.
Рис. из рукописи П.Н.Ермолова. 1817 г.
(ОПН ЦИМ).

ство: льви, лежащего перед престолом великого султана, с надписью: Султана, сын Султана Фатех Али, Царя из поколения Киджаров» (титул Аббас-мирза — Довн.). Друзьям во-

рит Барзайберг (1817 г.), видевший под Герстом, что «знамена покончили все отпавшие, т.е. орехи с серебряною рукою на верхнем конце (рука Али), а также знамя из

красного сукна или шелка с изображением престолом великого султана (герб Персии)». Правда, позднее, вспоминая о тех же событиях, Барзайберг ошибся или, наоборот, уточнил: «Каждый персидский полк имел свое знамя из шелка — красное, белое, желтое и т.д. по желанию», но с неизменно львом, солнцем и серебряною «рукою» Али (Али ибн Абу Талиб — воин ислама, один из первых последователей и зять пророка Мухаммеда, особо почитался в Персии — лев.).

Музыкальные биты

«Знамя с изображением Персидского герба, — отметил в своих записках П.Н.Ермолов (1817 г.), — состоит из серого батальона с музыкантами, одетыми в желтые куртки. Музыканты сии состоят из барабанищиков, флейщиков и трубачей; первые хорошо бьют и барабан; но вторые, не имея они природы самых простых орудий в музыке, как-то понимая о мере, играют так, что с трубом можно было разобрать God save the King, который они исполняют». Ермолов пишет и том же году: «Барабанишки и флейщики носят или в красные или желтые мундиры, но шовал и на рукавах таинши левьша, на штахх белые шапурки, с кистью, свисающею на прямое плечо».

Впоследствии униформа музыкантов оставалась столь же колоритной; и вояке, для облегчения себя, они приваливали барабаны на спину ослон, а при отдачи чести и карауле по-прежнему играли английский гимн «God, save the King» (Боже, храни Короля), как, впрочем, это было принято тогда и в России (Бартоломей, 1826 г.).

Ополченец, барабанщик и пехотинец
регулярной пехоты. 1810-е гг. (РГВИА).

Абсолют и офицер шахской гвардии.
1810-е гг. (РГВИА).

наградные Медали

Для награждения солдат и офицеров регулярной армии, помимо денесных пожалований, в 1808 г. были учреждены серебряные и золотые медали. Медали эти выдавались как бы низшими степенями персидского ордена Льва и Солнца. Но если орден можно было получить и за гражданские заслуги, то медали выдавались только за боевые отличия. К тому же, персидские шахи очень активно раздавали ордена иностранцам военным, дипломатам и др., но крайне скупо жаловали ими своих подданных. Рассчитывать на орден мог лишь аристократ или особо отличившийся вельможа, приближенный к шахскому двору. Таким образом, единственной солдатской и основной офицерской наградой были медали. Одним из первых обратил на них внимание британский полковник Джон Малькольм. Посетив Персию в 1809, 1808 и 1810 гг., он составил и в 1815 г. издал капитальный труд «История Персии». В нем Малькольм довольно подробно остановился на персидской государственной символике. Рассматривая, в частности, изображение двенадцати львов, из-за спины которых поднимается солнце, он упоминает, что этот символ вышится на воиновых знаменах (ср. выше) и присутствует в орденах знаках. Для отличившихся в борьбе с внешними врагами ордены выдаются в виде золотых или серебряных медалей. Очень интересен небольшой подстрочный комментарий Малькольма: «Медали, на которых вышит этот символ (Лев и Солнце Лев), даны преимущественно персидским офице-

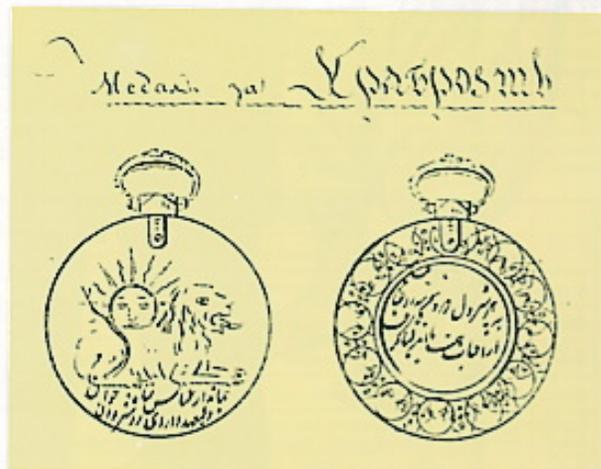
рам и солдатам регулярных войск, выданные им в войне с Россией. Английские офицеры, находившиеся в персидских войсках, сообщают мне, что не [персы], кому такие медали подавались, очень гордились этим отличием, и все вообще крайне старались получить их». Друинль, побывавший в Персии в 1812-1813 гг., существенно дополняет Малькольма: «Принц изображает военный, как и в Европе, чинами, арестами и орденами. Он убивал отца своего и уредил разные классы ордена Льва и Солнца; эти различные классы суть: во первых серебряная медаль для унтер-офицеров и солдат, приносящая жалование два рупи в месяц (5 франков); медаль золотая для обер-офицеров, которую приносят 10 рупи...». В 1827 г. русский офицер П.В. Романус подробно зарисовал одну из персидских медалей. Дикамбаки, видимо, поддалась подобию же медалей, но вряд ли соотносилась с чьей-либо из них (ср. нзд.). После медалей на левой стороне груди, на ленте, цвет которой скорее всего совпадал с цветом ордена, значок Льва и Солнца. Друинль пишет, что «ленты этих знаков раз переставляются: придают им право носить на шее полученный ими орден Солнца; потом был принят зеленый. Наконец Царь (Шах Ами) установил на лентах, как любимом цвете их Пророка». Однако, например в книге П.Г. Спасского «Иностранцы и русские ордена до 1917 года» приведены следующие данные: «Для иностранцев, награждаемых знаками от ашора, то класса и также представлялись зелеными лентами, или подбитыми голубыми». Очевидно, что медалими награждали и иностранцев.

(окончание следует)

Солдат регулярной пехоты. Фрагмент литографии по рис. к натуре Ж. Лорана. 1852 г.

Шахские музыканты. 1810-е гг. (РТИМА).

Персидская медаль за храбрость. Рис. 1827 г. из рукописи П.В. Романуса «Краткие записки похода в Персию 1827, 1828». (ОР РГБ).

На аверсе аллегорические сцены в честь наследника престола Аббас-мирзы. На реверсе вписаны, удостоверяющая, что тот кто ее носит, «сходен с тигром, уничтожающим неприятеля своего царя».

«Багадеран»

Александр КИБОВСКИЙ

РУССКИЕ ДЕЗЕРТИРЫ В ПЕРСИДСКОЙ АРМИИ. 1802 - 1839

Событие, подождавшее начало этой истории, не имело в себе ничего замечательного. В 1802 г., накануне «средней войны» Персии (1804-13 гг.) из Нижегородского драгунского полка бежал штаб-трубач капитан Самсон Яковлевич Макинцев.¹ Причина его побега не известна. Среди нижегородцев ходила легенда, что именно он украл мушкетера от полковника серебряных труб. Так это или нет, по мушкетеру действительно исчезли.

Сдавшемся в плен, Макинцев поступил на шахскую службу и был зачислен пашом (поручиком) в Эриванский пехотный полк. На следующий принц Аббас-мирза, формируя регулярную армию, охотно принимал русских дезертиров. Макинцев стал активно вербовать перебежчиков в свою роту, и вскоре на повстанческом знамени заслужил одобрение принца и чин пашы (майора). Теперь дела пошли быстрее. На следующем знамени дезертиры составили уже 1 Эриванского полка. Вновь удостоившись похвалы, дезертиры выказали недовольство командиром полка Мамед-ханом и попросили назначить вместо него Макинцева. Аббас-мирза схватил, организовав из дезертиров отдельный батальон и вернув его Макинцеву, который стал серхеном (полковником) и принял имя Самсон-хан.² Поскольку русские оказались наиболее обученной частью армии, принц зачислил их в свою гвардию. Теперь Самсон-хан вербовал не только перебежчиков, но и местных армии и несториан. Офицерами в основном назначались бежавшие русские офицеры из закавказских джурит. Большинство батальона (в том числе и Макинцев) сохранило христианскую веру.

Между тем война России и Персии достигла апогея. С войсками Аббас-мирзы Русский батальон направляется в Ахландузу. Здесь, 19-20.X.1812, дезертиров окружали и жестоко били практические ученики созданы генерала П.С.Котляревского.³ На пленных ушедших, часть вернулась в Россию согласно Гюльستانскому мирному договору. Увооруженные, во главе с Самсон-ханом, стали формировать новый батальон. Действуя воеводами, деньгами и хитростью, они быстро восполнили потери. Командир Хойского отряда доносил,

«что... теперь находящийся при Аббас-мирзе в большой доверенности Самсон, старается сколько можно расписать число русских бежавших, посылая проваривать сведения и, подвывая вином, когда сойдяние бываюти в казначействе, захватывают оных. И сами же сойдяти, зная, в какой доверенности у Аббас-мирзы все посланий генеральские письма Самсон и в угоду их бежавших к нему, соглашаются на сего приговорных слухах...»⁴. Такое положение дел сильно беспокоило российские власти.

В 1817 г. дезертиры встречали посольство генерала А.Н.Ермолова около Тавриза: «Баталийцев был из боязливости офицеры были из Русских же сойдяти. Все были одеты в Персидские мундиром с оловянными пуговицами и в шапках. Лица их были весьма поддеваны; шарф все прекрасный, розовый, чистый и старый. Баталийцы звали их звали Ели-мусульман (новые мусульмане — А.К.). Они все оказались протестант, и в числе, в числе из них Котляревским, были протестант и персидские. Теперь все звали протестант, и мы не можем надеяться возвратиться их...» — писал штаб-капитан И.П.Мурашев, извинившись по речению с полковником Г.Т.Ивановым описать дезертиров.⁵ Перезабежали не удерживать желающих вернуться бежавших, но сами тайком вывели батальон из Тавриза, лагерей и казармах и вывели на солдат колоды. Ермолову же сообщили, что батальон отправился усмирять курдов. Видя явный обман, Ермолов похитрил с Аббас-мирзой и отдался признать его на последнем престоле. Испуганный принц прислал было 40 дезертиров, но Ермолов не принял даже их, требуя сначала повесить Макинцева. В итоге переговоры окончились ничем.

Хлопоты о возвращении бежавших продолжались в 1819 г. секретарь русской миссии А.С.Грибоедов. Он добился-таки отрока дезертиром и, хотя передатке чиновника тайно «притомоводили им размер, денгами и платьем их обмундировали», уговорил вернуться 168 человек. В награжденным панталоном, 30 VIII, Аббас-мирза «поручил сойдяти и служить вперед пержо и приидти их государю, так же, как они ему служили, между тем же

(А.С.Грибоедову — А.К.) давал повеления и обещал их вдове, чтобы им в России хорошо было». Кончилась эта история скандалом. Аббас-мирза похвал Макинцева. По Грибоедов «не аттерпел и объявил, что не только стыдно должно бы быть иметь этого пашу между своими окружающими, но еще стыднее показывать его благоверному русскому офицеру... — «Он мой паша». — «Хотю будь он пашим генералом, или паша он волен, казначья, и я не волжен его пашею». 4.IX.1819 отряд Грибоедова покинул Тавриз, и уже 12.IX. 155 бывших дезертиров вернули российской границе (несколько по дороге отстали). Вернувшиеся были прощены и отпущены «для свободного проживания на их родину».⁶ На оставшихся в Персии, большая часть (ок. 2/3) приняла ислам, что спасало от выдачи в Россию. Религиозных обрядов они так и не изучили и на свеченных службах привычно кристались.

К началу 1820-х годов батальон приобрел стабильную организацию. Дезертиры делились на семейные и холостые. Семейные (ок. 200 чел.) получали землю и жили безбедно. Они составляли батальонный резерв, и у них же квартировали холостые дезертиры, когда батальон распускали по домам. Это случалось не часто, т.к. он все дворцовые караулы у шахиншаха). В свободное время семейные формировали одну роту из добровольцев. Холостые составляли 4 восточные роты (по 4-х пашов кажда), разделенные в 1831 г. на 2 русские и 2 вольские (число рот зависело от наличия солдат той или другой национальности). Национальные различия тщательно поддерживались, хотя это и не скрывалось на бесприданности батальона. Численность дезертиров была не постоянной, но приблизительно состав части, по выводу из него пашами сарбазской пехоты законно подлагать таким, как показано в таблице.

Последу батальон не имел своей музыки, что очень огорчало Самсон-хана. Поэтому он с радостью встретил трех бежавших из Кулаири русских музыкантов. Их тут же представили Аббас-мирзе, назначили высокие жалованье, поручили набрать хор из 30 человек и организовать оркестр. Этот оркестр был луч-

В БАТАЛЬОНЕ			В РОТЕ		
чин	русский аналог и должность	чел.	чин	русский аналог и должность	чел.
Серхен	полковник, командир батальона	1	Суттан	капитан, командир роты	1
Яер	майор, мл. штаб-офицер	1	Паш-Огал	поручик	1
Мессул	ст. батальонный адъютант из офицеров	1	Паш-Дуром	подпоручик	1
Векиль-баш	фельдфебель, мл. бат. адъютант	1	Бех-Занд	праворынок	3
Суттан-аламбар-баш и его пашы	знаменосец (на парадах) и два его помощника, пошившие знамя постоянно *	3	Векиль	сержант	2
Табельман-баш	нач. всех батальонных музыкантов	1	Мубашир	капитанармус	1
Халил	доктор	1	Дамбаш	капрал	10
Джара	хирург	1	Сарбал	ридовой	100
Векиль-баш	унтер-оф. надзирающий за лазаретом	1	В каждой роте кроме того имелся 1 барабанщик и 1 фелситист; и на каждые 5 сарбазов подлагался 1 служитель для приготовления пищи и стирания за облом. Обоз состоял из вывочных лошадей и ослов (по 1 на 2-х сарбазов).		

* Точно не известно, имел-ли Багадеран свое знамя. Во всяком случае, ни один из знаменщиков нам историков о таком не упоминает.

«Вступление в Таврис батальона русских дезертиров, возвращающихся в отечество». 22 января 1839 г. (с картины художника Калембери).

заво, почему эти непрерывно русские поселения. Им не хватает качества, которым мы, персы, обладаем и высшей степенью: они не могут бежать, и сбиты как свинец, если их атакует враг».¹⁹

В 1836 г. Багдадан (595 чел.) участвовал в походе на Туркменские земли, а осенью 1837 снова выступил под Герат. Афанасьеву гранду батальон перевел, насчитывая 450 чел. Но в ходе долгой безуспешной осады крепости он получил подкрепления, и 30 V. 1838 в нем состояло 585 человек. Наконец 12 VI. 1838 решено было произвести общий штурм города. Автор диспозиции — полковник русской армии И. Ф. Бларамберг просил выделить батальон для главного удара, но лица, что против русских афганцы имеют лучшие силы, персы придали батальону войскам Вели-хана, совершившим отступающий маневр. Кончилось все очень печально. Самозащитный Вели-хан вознамерился попасть в Герат раньше всех и присвоить себе лавры победителя. Дома диспозицию, он бросился штурмовать крепостные стены. Самсон-хан вынужден был поддержать это сумасбродство. В разгар атаки люди срвали Вели-хана. Подхватив тело начальника, персы бежали в лагерь, где принялись озадачивать его достойную смерть. За считанные минуты Русский батальон оказался под стеной в полном одиночестве, осыпаемый пулями и камнями. Тут еще персидская армия дерзнула прикрыть бегство своих чужестранцев. Конечно же большинство повстанцев пришлось по Русскому батальону. Раненый Самсон-хан приказал отступить. Штурм провалившегося штурма был для батальона ужасен: убито 4 офицера и 50 «богатырей», равно до 200 человек — т.е. почти половина личного состава.²⁰ В конце концов 9-месячная осада крепости завершилась вкрад, и батальон (около 400 чел.) вернулся в Тегеран. Здесь его ожидали удивительные новости.

В 1837 г. Николай I путешествовал по Кавказу. Присутствовать императора въехали персидский наследник Насер-эд-дин-мирза и командующий войсками Азербайджана Мухаммед-хан. Разговорная с последним, царь настаивал на роспуске Русского батальона и возвращении перебежчиков. Оказалось было невозможно. 25 I. 1838 Николай объявил единственно дезертирам, кроме тех, за которых

они в России шедлишь убийства. С этим решением в Персию отправился новый полномочный министр А. О. Дюгамель. Раньше его въехал непосредственный исполнитель поручения капитан Л. Д. Альбрант. Граф Симонич (прежний российский посол) отправился под Герат и лично уведомил Мухаммед-шаха. Шах обещал не препятствовать возвращению дезертиров и отпустить их по окончании осады. Пока же он послал Мухаммед-хану и правителю Азербайджана принцу Кахраман-мирзе разрешение на выдачу батальонного резерва. 13 VIII. 1838 Альбрант начал принимать в Уджане дезертиров. Преодолевая их недоверие, он к концу октября отправил в Россию 142 дезертира (9 — под арестом), а вместе с детьми — 327 человек.

Меж тем прибыли 5 дезертирских рот. Альбрант едет в Тегеран и пытается склонить их к выходу в Россию. Преодолевая саботаж персидских властей, он к началу декабря 1838 г. уговорил почти всех дезертиров. 1-я рота (русская) просила быть вверенной ротой Альбранта, что он и разрешил, переведя в нее самых буйных солдат. Непредлистной осталась лишь польская рота (3 оф., 80 чел.), которую англичане обещали вынести в Багдад для формирования легиона под своим знаменем (с провалом гератской операции англичане о роте позабыли). Тогда Альбрант захватил их офицеров. Рота избутовалась и выступила из Тегерана, но, оставшись без поддержки, согласилась идти в Россию. По требованию шаха Альбрант оставил все музыкальные инструменты батальона, кроме флейт и строевых барабанов, но русских музыкантов он увел с собой.

6 XII. 1838 батальон отправлял телеграммой Николаю I. Под впечатлением от торжества, Скрыдлов решил идти в Россию. Эта новость поразила Самсон-хана; его дочь — беременная жена Скрыдлова — от страха выкинула ребенка, но впоследствии за мужем. 22 XII батальон выступил из Тегерана и ровно через месяц прибыл в Тавриз. Здесь он простоял 15 дней, собирав семьи десятков дезертиров, после чего отправился дальше. 11 II с пехотой и барабанным боем батальон перешел российскую границу и совершил подвиг в счастливых выходе на Персию. 5 III. 1839 дезертиры прибыли в Тифлис. Всего из Пер-

сии вышло 1084 человека: 597 «богатырей», 206 жен и 281 «дитячо».²¹

По равному сокращению судьбы вернувшихся дезертиров. Женатых зачислили в Кавказское линейное войско и расселили по казачьим станицам. Холостых определили в Финляндские линейные и Архангело-Волгодонской гарнизонной батальоны (годы персидской службы засчитали им за действительные в русской армии). 30 летних стариков отпустили на родину. Домой уехали и полские офицеры. Все принявшие ислам подверглись первоначально повстанью «за вероотступничество, непозволительное долгие пребывание в Персии и крайностью». Скрыдлов был прощен, принят сотником в Кавказское войско и поселен в Лабинской линии. Война с горцами, он дослужился до есаула и стал атаманом Чамлыкской станицы. Бывшие на линии дезертиры продолжали ему подчиняться, так что «волею его слово было непереложным законом и для наших персидских: стоило только сказать: «отъ и покажу сь сараньшу» — и каковы, жел и охот и охот».²² К концу жизни Скрыдлов стал плохо видеть от постоянного уворждения дым, который он сурьим брови и ресницы. Умер он в начале 1860-х годов полный восстановивший о своем персидском могуществе.

Оставшиеся в Персии дезертиры продолжали служить шаху, но самостоятельной боевой единицы они уже не представляли. В основном это были давно принявшие ислам или совершившие в России тяжкие преступления. Самсон-хан завершил разное похоронил паше Мешхеда в 1849 г. Через несколько месяцев он скончался, 73 лет от роду, и был похоронен в Сурголе под алтарем сооруженной им православной церкви.²³

Униформа: Сведений об униформе Русского батальона почти не сохранилось. Однако можно утверждать, что внешним видом «богатыри» походила на сарбаскую пехоту, отличаясь от нее остротой мундиров и искривленностью амуниционных вещей. Первоначально, в Эриванском полку, дезертиры видимо носили зеленые мундиры. Во всяком случае русский путешественник В. П. Боркда на еще в 1847 г. писал: «Эриванские Сарбасы имеют зеленые отпоясанные куртки, с красными воротничками, широкое желтое поле».

роворы и полусаванки с пуговицами, в которые вкладывают нижнюю часть ширшар. Работные не имеют бород, а одни только усы; офицерам позволительно иметь и бороды. Оружие их состоит из Английских ружьев, коих столько, равно как и сабли, висят на перекрестных ремнях; офицеры имеют сабли».¹⁵ Об изменении и униформе после выделения батальона в самостоятельную часть (а такие шаверия были) ничего точно не известно. Русский историк А.Н. Берзе (1828-1886), занимавшийся Багадераном, пишет, что Самсон-хан одел своих десертников на русский образец. Никаких источников он при этом не указывает, и то время как дневник П.И. Муравьева за 1817 г. определенно свидетельствует, что бегальцы «все были одеты в Персидские мундиры с длинными волосами и в шавах». И так, мундир Багадерана был сарбасового образца, но в его особенностях можно лишь догадываться. В 1819 г. отряд десертников, уходивший вместе с А.С. Грибоедовым в Россию, был разоружен. Тогда Грибоедов «велет сделать железные наконечники на полшашки пик, которые и раздал своему отряду». С этим инвентаризованным оружием отряд благополучно пересек границу. Оставшиеся в Персии и принявшие ислам «богатыри» отпустили бороды и зюльфы, которые обрели лишь в 1838 г. по настоянию Альбранта, причем упорствовавших стариков молодежь острогом пашилью. В мае 1828 г. русский консул в Табризе «сделал письменное замечание его высочеству... о том, что в Персии не имеют привычки носить бороды и офицерам они не полаганы». Это подтверждает единственное достоверное изображение «богатырей» — картина «Вступление в Табриз батальона русских десертников, возвращающихся в отечество». Картина была написана в 1839 г. итальянским худож-

ником Кадумбарни, состоявшим при принце Кахраман-мирзе. Пораженный молчаливым вступлением Багадерана, Кадумбарни заметал его красками на полотно и преводил Альбранту. Местонахождение картины, хранящейся в семье Альбранта, не известно. Но ее литография позволяет судить об униформе батальона. Нижние чины изображены в гвардейской форме, присвоенной им видимо с 1834 г., когда покровитель батальона Мохаммед-мирза стал шахом Персии — красные мундир с синими воротниками и обшлагами. Офицеры — в синих низамах с эполетами. П.Ф. Балазарберг в 1838 г. отмечал, что «Русский батальон... был лучшим во всей армии: это касалось как мундира, так и шаверии и рашахи». Мемуары Альбранта дают еще несколько штрихов к описанию внешнего вида «богатырей». Так, сезенские десертники являлись к Альбранту в Уджане «нытые, с длинными волосами, с выбритыми бородами, в белобрюшной одежде, они не были похожи на солдат, но на полку ожесточенных разбойников». Видимо, все батальона «богатыри» мундиров не носили. В Тегеране же Альбрант застал следующую картину: «Проезжая мимо ворот гарем-хане шиха, я видел одного солдата на часах: избитый, он сидел, держа ружье на коленях; далее я встретил еще двух таких солдат: один был в персидской шапке, другой в французской фуражке, с белым чепцом, заломанным набок; они шли оседло, с самоуверенностью». Перед праздником 6 XII 1838 «богатыри» исправили свою повседневную одежду, а 22 XII выступили из Тегерана в парадной форме. «22 января, — вспоминал Альбрант, — мы прибыли из Тегерана в Табриз. Батальон выступил в город с барабанным боем и песнями, как будто бы после победы... Разнообразные одежд, ружья со шашками и без шашек, оловянный и стальной шашки солдат, лагерьные лица, залпленные ветром и солнцем, малыши ступали. — все это возбуждало внимание и Персиян и бытовых в Табризе иностранцев.»

¹ Формулярный список Нижегородского (Генерал-лейтенанта В.В. Грузинского) драгунского полка от 1.1.1800 сообщает о нем следующее: Самсон Яковлев сын Макашов, 19 лет, рост 2 аршина 4", весна (162 см), лицом бел, волосом светлорус, глаза серые; российской грамоте читать и писать умеет, грамот. Принят в эскадрон майора О.А. Кудачевского драгунном 24.IX.1799 из состоящих в полку достигших совершеннолетия солдатских детей. (РГВИА, ф. 489, он. 1, л. 247б, л. 1136б-116).

² Русские документы уморно продолжали именовать Макашова майором, даже когда он стал генералом (Сергеевич).

³ Дроздов Г. Путешествие в Персию в 1812 и 1815 годах. Ч. 2. М., 1826. С. 121.

⁴ Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 649.

⁵ Муравьев П.И. Записки. // Русские архивы. 1886. №4. С. 485.

⁶ Грибоедов А.С. Сочинения. М., 1988. С. 416, 457.

⁷ Новиков О.И. Грибоедов-дипломат. М., 1964. С. 25.

⁸ Берзе А.Н. Самсон Яковлевич Макашев и русские бегальцы в Персии, 1806-1833 гг. // Русская старина. 1876. №4 (Апрель). С. 775.

⁹ Шербатов А.И. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 2. СПб., 1890. Приложение С. 58, 64.

¹⁰ Балазарберг П.Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 154.

¹¹ Балазарберг П.Ф. Осада города Герата. — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XVI. СПб., 1885. С. 18-40.

¹² Альбрант Л. Командировка капитана Альбранта в Персию в 1838 году, рассказанная им самим. // Русский вестник. 1867. Т. 68. №3.

¹³ Шиблюковский А. Записки старого казака. Военный сборник. 1872. №8. С. 312.

¹⁴ Согласно упоминавшемуся формуляру Нижегородского полка (см. в. 1), годом рождения Макашова следует считать 1780. Вероятно, к коному времени он уже и сам точно не вошел сколько ему лет.

¹⁵ Бартольд В.И. Краткое описание путешествия российского императорского посланства в Персию в 1817 году. СПб, 1821. С. 41.

¹⁶ Берзе А.Н. Указ. соч. С. 779.

Фирма «A.P.T.C.» расширяет для Вас, любители военной истории и униформологии, сферу своей деятельности.

Кроме уже знакомых Вам восьми серий книг английского издательства «OSPREY», (последняя начала издаваться только в 1995 году и называется «ACB»), мы можем предложить Вам книги и брошюры другого английского издательства «CASSELL» (включившее в себя известные BLANDFORD и ARMS & ARMOUR), которые охватывают

МЫ БУДЕМ РАДЫ
ВИДЕТЬ ВАС В ЧИСЛЕ
НАШИХ КЛИЕНТОВ!

практически все аспекты военной истории от справочников по униформе, оружию и военной технике до научных исследований.

Вы можете получить каталоги, сделать заказ и выяснить все интересующие Вас вопросы по телефонам: (095) 275-74-18 или 275-76-06 или пишите нам по адресу: 109280 Москва ул. Велозаводская 2, офис 26А. Для иногородних читателей возможна пересылка книг почтой.

шим в передовой армии, «хотя многие его инстинктивно имели не совсем истинный строй».

За многие походы отличив батальон получил название Багадеран — т.е. богатырский (в европейском понимании — гренадерский). Особенно хорошо он зарекомендовал себя во время персидско-турецкой войны 1821-23 гг., в частности у города Ван, где понес большие потери, а также при победе у Топрак-кале.

Новая русско-персидская война (1826-28 гг.) возманила дезертиров в трудное положение. Самсон-хан повесить отказался, заявив: «Мы жили на Салтанат Египетский не сражаться против своих ополченцев и клише наших не имеем». Но остаться в Тавризе Самсону не удалось, т.к. Аббас-мирза назначил его военным советником. Батальон же двинулся в поход с условием находиться в резерве. Однако, в сражении 13.IX.1826 при Елизаветоводе дезертиры защищали правый фланг центра персидской воинов. Руководил ими Касум-хан — командир второго (персидского) гвардейского батальона Аббас-мирзы.⁹ Видно, Русский батальон присоединился к действующей армии 30.VIII вместе с шахской гвардией, а Касум-хан принял командование как старший по должности после Самсона. Военные потери русскими пленными, батальон к 1829 г. насчитывал уже 1400 чел. Но эпидемия холеры 1830 г. сократила его численность. Чуть раньше, в 1828 г., в Персию бежал прапорщик Василий Васильевич Сарышев. Он поступил на шахскую службу и женился на дочери Самсон-хана. Машинер сделал из него сержантом и командиром Багадерана. Сам же, являясь уже генералом, принял обязанности батальонного шефа.

В 1830-32 гг. батальон участвовал в походах на Хорасан, против антижских курдов, и в Туркмению. Дняе курды, не боявшиеся персидских частей, очень опасались дезертиров. У них даже возникла легенда, что в палатках русского солдата сидят патроны, готовые в любой момент выстрелить. При осаде Кучана (1832 г.) несколько мертвых «богатырей» остались лежать под стенами крепости. Курды окружали тела, но прикоснуться к ним не решались, чем тщательно обмывали руки убитых.

В 1833 г. батальон отличился под Гератом. На одной из вылазок афганцы потеряли поражение и укрылись в цитадели Роуз-гах, где находилась известная гробница местного святого. Поэтому ее игури поручили «невероятно» Самсон-хану, которые и взяли укрепление приступом. Смерть Аббас-мирзы 9.X.1833 положила конец осаде Герата; батальон вернулся в Тавриз. Новым наследником Мохаммеда-мирза явля Багадеран под свое покровительство, что помогло ему через год окончательно укрепиться на троне. После смерти Фатх-Али-шаха, дядя принца Зели-султана узурпировал власть. Но Мохаммед с сильным войском выступил из Таврида в Тегеран и заставил италийцев поворнуться. Столичную цитадель, городские казармы и дворцовый караул нового шаха занял Русский батальон.

В 1835 г. персидские войска совершили поход в Хорасан против узбеков, туркмен и восставших курдов. В горах Курдистана один из отрядов попал в засаду. Персы были опрокинуты и в панике разбежались. Но резерв из 250 человек Русского батальона построился в каре и залпом обшил атаку. Отступая через толпы курдских всадников, они благополучно достигли лагеря. Итальянский прах шахской службы, служивший в русском каре, рассказал обо всем персидскому командиром. Измученный бегством воин глубокомысленно заметил: «О дакия (доктор)!!... Теперь я поше-

Обер-офицер и рядовой Багадерана под Гератом, 1838 г.

художник Р. Паласиос Феррандес